

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В статье обосновывается необходимость рассмотрения с позиций лингвосинергетики процессов синтаксической деривации, выделяется структурный инвариант предложения с его мощным деривационным потенциалом, делается вывод о фрактальном характере деривационного преобразования языковых структур.

Ключевые слова: синергетическая методология, лингвосинергетика, синтаксическая деривация, предложение, инвариант, вариант, фрактал.

Домброван Т.И. Синтаксична деривація як синергетичний процес. У статті обґрунтовується необхідність вивчення з позицій лінгвосинергетики процесів синтаксичної деривації, виокремлюється структурний інваріант речення з його могутнім дериваційним потенціалом, робиться висновок про фрактальний характер дериваційного перетворення мовних структур.

Ключові слова: синергетична методологія, лінгвосинергетика, синтаксична деривація, речення, інваріант, варіант, фрактал.

Dombrovan T.I. Syntactic derivation as a synergetic process. The article presents a new approach to the studies of syntactic derivation, namely in the light of linguosynergetics. The sentence invariant, possessing a powerful derivational potency, is singled out. Syntactic derivation, characterized by fractality, is viewed as a synergetic process.

Key words: synergetic methodology, linguosynergetics, syntactic derivation, sentence, invariant, variant, fractal.

В современной лингвистике наблюдается поиск новых подходов к изучению и описанию языковой системы, в том числе и с учетом наработок как в смежных – гуманитарных – науках, так и в науках, на первый взгляд, "далеких" от лингвистики, таких, как, например, физика. Именно в недрах последней зародилась новая научная парадигма – синергетическая, позволяющая по-новому взглянуть на сложные системы различной природы. Поскольку предметом исследования синергетики являются сложноорганизованные системы, методологические принципы синергетики оказались валидными и в отношении других (не только физических) сложных систем, изучаемых широким спектром дисциплин, что "дало возможность создать новые приложения и подходы" [25, 12] к изучению общих закономерностей возникновения и эволюции сложных систем. Конструктивное приложение концепций и категорий синергетики к лингвистическим исследованиям позволяет говорить о формировании нового направления в филологических изысканиях – лингвосинергетики.

Лингвосинергетика определяется нами как один из методологических подходов к описанию динамического пространства языка, представляющего собой последовательную смену во времени состояний изменчивой языковой мегасистемы. Новая научная парадигма позволяет взглянуть на язык

как на открытую, динамическую, нелинейную, неравновесную мегасистему, состоящую из множества сложноорганизованных ко-эволюционирующих систем и подсистем, управляемых определенными параметрами порядка с целью сохранения стабильности данной системы.

Синергетическая парадигма неизбежно приводит к переосмыслению многих ключевых понятий в лингвистике. Цель данной статьи – рассмотреть с позиций синергетики синтаксическую деривацию как "фундаментальный и универсальный способ представления нового на базе исходных суппозиций" [8, 65]. Необходимость и возможность открытия новых перспектив в изучении ставших, казалось бы, традиционными лингвистических понятий обуславливают актуальность нашего исследования.

Как известно, термин *деривация* был введен в научный обиход польским исследователем Е. Куриловичем в первой трети XX в. для описания словообразовательных отношений. Автор рассматривал два типа деривации – лексическую и синтаксическую. К лексической деривации относилось такое соотношение производящего и производного слов, при котором они различались лексическим значением. Если же понятийное тождество производящего и производного слов сохранялось, но различались их синтаксические функции, говорили о синтаксической деривации [13]. В современной лингвистике термин *деривация* используется значительно шире – не только для обозначения процессов словообразования и словоизменения, но также трансформационных отношений в синтаксисе и формально-семантической производности текстов [см., например, 1; 8; 10; 16; 18; 19; 21]. Деривационный потенциал разноуровневых языковых единиц, по сути, определяет динамический характер их функционирования, является движущей силой в их развитии и преобразовании, что, в конечном итоге, придает всей языковой системе динамизм и неустойчивость: "В каждый момент язык объединяет в себе одновременно наследие и преобразование – наследие, полученное от прошлого, и преобразование, организацию полученного наследия" [7, 61].

Диалектическое единство процесса и состояния, динамики и статики, неравновесности и стремления к самосохранению характеризует языковую систему в целом, определяет ее развитие и способствует ее "выживанию". Ср.: "система должна быть подвижной, вечно меняющейся и творческой. <...> основное условие для системы чего бы то ни было есть и ее внутренняя диалектическая самоподвижность и ее внешнее стремление к другим возможным системам" [14, 66].

Деривационные процессы, происходящие на разных уровнях языковой системы, стали предметом исследования дериватологии, изучающей процессы образования динамических моделей языка [21, 61; 10; 18; 19 и др.]. Рассмотрение деривации как непрерывного динамического процесса, пронизывающего все уровни языковой системы, моделирование и изучение условий реализации потенциала деривационного поведения компонентов данной системы представляется особенно плодотворным в контексте синергетической парадигмы.

Синергетическую парадигму сравнивают с голографической парадигмой, "где по части может достроиться (самоорганизоваться) немеханическое

динамическое целое" [3, 101]. Синергетика – это наука о становящемся бытии, о самом становлении, его механизмах и их представлении [там же, 78], теория эволюции и самоорганизации сложных систем мира [12].

Концептуальный аппарат синергетики включает ряд новых для лингвистики понятий. В контексте данной статьи релевантными являются понятия аттрактора, бифуркации и фрактала.

Под *аттрактором* понимаются "те способы (формы) организации процессов в открытых нелинейных средах разной природы, те относительно устойчивые макросостояния, на которые выходят процессы эволюции в этих средах в результате затухания, исчезновения промежуточных, или переходных, явлений" [12].

Бифуркация определяется как состояние системы перед выбором возможных вариантов дальнейшего развития, это "ситуация формирования причин, ведь именно в этой ситуации появляются варианты дальнего порядка" [9, 6]. При этом отмечается многовариантность альтернатив развития системы: "всякая сложноорганизованная система имеет, как правило, не единственный, а множество собственных, отвечающих ее природе путей развития" [12]. В проекции на язык как сложноорганизованную динамическую мегасистему, состоящую из множества иерархически упорядоченных систем и подсистем, каждая из которых изменяется под влиянием внешних и/или внутренних факторов, следует говорить о "разномасштабности" бифуркации. Развитие языка в конечном итоге определяется развитием составляющих его систем и подсистем, в свою очередь подразделяющихся на взаимосвязанные и взаимодействующие составные части и элементы. Бифуркация есть состояние не только *системы в целом* (мегасистемы) перед выбором возможных вариантов ее дальнейшего развития (назовем это состояние "бифуркация мега-масштаба", или мега-бифуркация), но и состояние отдельных динамических *подсистем и/или компонентов* перед выбором путей своего "поведения", изменения и развития ("бифуркация микромасштаба", или микро-бифуркация).

Понятие *фрактал* и производные от него понятия *фрактальность*, *фрактальное множество* определяются неоднозначно у разных исследователей в связи с многомерностью содержания, вкладываемого в эти понятия. Фракталом (от лат. *fractus* – дробный, ломаный) называют явления масштабной инвариантности, когда последующие формы самоорганизации систем напоминают по своему строению предыдущие [11]. Фракталом считают "переходное, квазиустойчивое состояние становящейся системы" [6]. Доказывается, что фрактальность есть одно из всеобщих фундаментальных свойств бытия, позволяющее представлять пространство как линейное, нелинейное и фрактальное (дробное) [17, 80].

Применительно к языку фрактал определяют как средство формирования "итерационного процесса формообразования" [23, 32]. С позиций фрактальности, язык может быть представлен как сложная иерархически организованная нелинейная модель (множество), характеризующаяся дискретностью (делимостью, "ветвлением", что является основанием для подобия составляющих ее подмножеств) и непрерывностью процесса саморазви-

тия как бесконечного перехода из одного состояния в другое, что, в свою очередь, находит выражение в изменчивости внешней формы.

Сказанное позволяет по-новому взглянуть на природу деривации вообще и синтаксической деривации, в частности. Представляется возможным говорить о фрактальности деривационного преобразования языковых структур, их "формальной подгонке" для обработки и передачи изменчивой по содержанию информации.

Процесс познания иногда определяют как процесс случайных и фрактальных блужданий, языковых игр и экспериментов [23, 124], при этом фрактальные блуждания, в отличие от случайных, выводят систему на аттракторы – "паттерны и макропорядки, которые эволюционно притягивают сложные системы" [там же, 125]. Имеется в виду наличие вариантов сценариев дальнейшего развития данной самоорганизующейся системы. Под влиянием тех или иных внешних и/или внутренних факторов, воздействующих на систему (при этом "расклад" и "соотношение сил" воздействия будет специфичным для каждой новой стадии ее развития), система стремится перейти от состояния неравновесности, хаотичности к состоянию упорядоченности, согласованности функционирования ее составных компонентов. Представляется, что такими "притягивающими" паттернами для процесса когнитивного моделирования действительности и его вербального выражения можно считать глубинные семантико-синтаксические структуры.

Исследовательская мысль на протяжении длительного времени бьется над решением ряда вопросов, связанных с отношением между языком и мышлением, структурой мысли и способами ее языкового представления, стремясь установить связь между "мыслью, которая может материализоваться в языке, и языком, у которого нет иной функции, как "означать" [5, 105]. Проблема построения синтаксической деривационной парадигмы неизбежно требует разрешения вопроса о вариантах и инварианте предложения. Инвариант должен выступать в качестве "общего знаменателя" [20; 26, 139], который позволит сопоставить варианты, выявить их сходство и различие, установить между ними связи, в том числе и по типу дополнительной дистрибуции, что в конечном итоге сделает возможным включение тех или иных вариантов в единую парадигму. Таким общим знаменателем, находящимся в основе комплексного описания соотношения между структурой мысли и языком, выступает свернутая (ядерная) субъектно-предикатная структура *предмет – признак*. Данный подход основывается на философском понимании предмета (субстанции). Еще древние мыслители заметили, что в мире нет "просто" предмета. Любой предмет определяется через его признаки. Фома Аквинский (1225-1274), центральная фигура средневековой философии, вслед за Аристотелем, считал, что "атрибуты, свойства субстанции (качество, количество, отношение, место, время и пр.), являются определениями субстанции" [22, 97], Г.Гегель определил качество как "тождественную с бытием определенность". Это значит, что качество неотъемлемо от предмета [там же, 327]. В современной философии предмету (= вещи, субстанции) можно дать, по меньшей мере, два основных определения – логическое и онтологическое. С позиций логического подхо-

да, вещь – это "все то, чему можно приписать какое-то свойство или к чему можно установить какое-то отношение" [24, 32]. Кроме того, существует онтологическое определение: "Вещь – это система качеств" [там же]. Таким образом, отражающаяся в языковом сознании действительность носит предметно-атрибутивный характер, а языковое мышление представляет собой "развертывание вокруг предмета его признаков на оси реального времени" [см.: 26, 139].

Языковым (грамматическим) средством выражения предметно-атрибутивных связей действительности выступает субъектно-предикатная структура. Приписывание субстанции (предмету, явлению и т.п.) какого-либо признака, в том числе и процессуального, а также экспликация ее связей с другими субстанциями происходит посредством предцирования как универсальной мыслительной операции категоризации предметов, их признаков, связей и отношений.

Ядерная (свернутая) субъектно-предикатная структура двучленна и состоит из субъекта, вербализующего предмет мысли, и предиката, характеризующего этот предмет. Вслед за В.С.Юрченко, свернутой субъектно-предикатной структуре противопоставляем развернутую субъектно-предикатную структуру: "атрибут – субъект – предикат – заглагольный член (обстоятельство или дополнение)", которую следует рассматривать в качестве структурного инварианта предложения [там же, 140].

Структурный инвариант предложения обладает мощным деривационным потенциалом как в сторону отсекаания тех или иных компонентов структуры (которые, однако, могут быть восстановлены на инвариантной базе по голографическому принципу), так и в сторону дальнейшего усложнения любого из компонентов, при этом образующиеся варианты (дериваты) находятся в тесной связи с инвариантом. По словам О.Н.Петровой, инвариант обеспечивает стабильность языковой системы, варианты – ее гибкость и выразительность (способность выразить самые тонкие оттенки смысла) [20]. Наше исследование показывает, что любой производный (развернутый) вариант может быть "свернут" до пределов исходного инварианта (обратная связь).

Структурный инвариант предложения представляем следующим образом: $\mathbf{Ma} - \mathbf{S} - \mathbf{V}_x$, где $\mathbf{Ma}$ – атрибутивный модификатор субъекта, $\mathbf{S}$ – субъект, $\mathbf{V}_x$ – предикатный глагол как точка микро-бифуркации. В зависимости от семантики предикатного глагола и спектра его валентных связей, "развертывание" структуры представляется потенциально многовекторным, т.е. возможным в нескольких направлениях – к объекту-дополнению (при транзитивном характере данного глагольного лексико-семантического варианта (ЛСВ) в релятивной ситуации), или к предикативу (в случае непереходного характера ЛСВ), или к обстоятельству-восполнителю (в ситуациях манифестациях), и т.д. Фрагмент деривационной парадигмы представлен ниже (здесь C_s – предикатив, O – объект-дополнение, O_{complex} – сложное дополнение, C_d – обстоятельственный восполнитель, M_d – обстоятельственный модификатор, $Clause$ – клаузема; скобки [ ] обозначают возможное усечение компонента модели, +/- используются для обозначения утвердительной/отрицательной формы глагола):

Ma – S – V_x

1. [**S** – **V_x**] (=усечение крайних компонентов), e.g. *Time flies*.
2. **Ma – S – V_x** [**]** (=усечение послеглагольной "ветви"):
  - 2.1. Ma – S – V(+), e.g. *Good fame sleeps*;
  - 2.2. Ma – S – V(-), e.g. *Old love doesn't rust*;
3. **S=Clause – V_x** [**]**:
  - 3.1. S=Clause – V (+), e.g. *Who breaks, pays*;
  - 3.2. S=Clause – V (-), e.g. *Who fears death lives not*;
4. [**V_x**] (эллипс субъекта):
  - 4.1. V (+) – Md, e.g. *First think, then speak*;
  - 4.2. V (-) – O – Md, e.g. *Don't trouble trouble until trouble troubles you*;
  - 4.3. etc.;
5. **[Ma] – S – V_x – Cs**:
  - 5.1. [S] – V – Cs, e.g. *Appearances are deceptive*;
  - 5.2. Ma – S – V – Cs, e.g. *Second thoughts are best*;
  - 5.3. Ma1 – S1 – Ma2 – S2 – V – Cs, e.g. *Old friends and old wine are best*;
  - 5.4. etc.;
6. **[Ma] – S – V_x – O** :
  - 6.1. [S] – V – O, e.g. *Love conquers all*;
  - 6.2. Ma – S – V – O, e.g. *One hand washes the other*;
  - 6.3. Ma – S – V – O_{complex}, e.g. *The last drop makes the cup run over*;
  - 6.4. etc.;
7. **[Ma] – S – V_x – Cd** :
  - 7.1. [S] – V – Cd, e.g. *Might goes before right*;
  - 7.2. Ma – S – V – Cd, e.g. *A new broom sweeps clean*;
  - 7.3. S1 – S2 – V – Cd, e.g. *Muck and money go together*;
  - 7.4. etc.;
8. **[Ma] – S – V_x – Md** :
  - 8.1. [S] – V – Md, e.g. *Actions speak louder than words*;
  - 8.2. Ma – S – V – Md, e.g. *Ill-gotten goods never prosper*;
  - 8.3. etc.;
9. **[Ma] – S – V_x – Clause**:
  - 9.1. [S] – V – Clause, e.g. *Love creeps where it may not go*;
  - 9.2. Ma – S – V – Clause, e.g. *The tall man suggested that we should go*.
  - 9.3. etc.
10. **[Ma] – S – V_x – Cs – Cd**:
  - 10.1. [S] – V(+)- Cs – Cd, e.g. *All is fair in love and war*;
  - 10.2. [S] – V(-)- Cs – Cd, e.g. *Man is not wise at all times*;
  - 10.3. Ma – S – V(+)- Cs – Cd, e.g. *Every dog is a lion at home*;
  - 10.4. etc.;
11. etc.

Здесь следует особо отметить, что синтаксическая деривация затрагивает не только собственно структурно-синтаксический уровень, но трансформирует и синтактико-семантический уровень предложения в целом. Имеется в виду, что одинаковые с точки зрения структурной формулы пред-

ложения все же не будут абсолютно тождественны (по меньшей мере, они будут различаться лексическим наполнением компонентов данных структур). Например, предложения *He has a car; He feels the pain; He plays the ball; He told the truth* имеют одинаковую синтаксическую (структурную) формулу S – V – O, однако они различны с точки зрения набора семантических ролей субъекта S и объекта O. Так, в предложении *He has a car* субъект выступает в роли посессора, а объект в роли предмета владения. В предложении *He feels the pain* субъект является экспериенцером, в то время как объект выполняет роль предмета восприятия. В предложении *He plays the ball* субъект есть агент действия, а объект есть предмет, на который это действие направлено. В предложении *He told the truth* субъект есть коммуникант, а объект есть предмет (содержание) коммуникации. Следовательно, синтактико-семантическая структура предложений при сходстве их формально-синтаксической организации также должна рассматриваться как основа для выделения вариантов. Существует тесная сопряженность семантических ролей аргументов внутри предложения, обуславливаемая, среди прочего, семантической валентностью предикатного глагола. Какие-либо изменения в предикатной позиции неминуемо вызывают изменения "далее по цепи", при этом (по голографическому принципу – восстановление динамического целого по его части) семантические роли субъекта также "переключаются". Это легко видеть на примере следующих предложений: *He has a blue ball; He plays a blue ball; He sees a blue ball* и т.п., где семантические роли субъекта *He* и объекта *a blue ball* меняются в зависимости от семантики глагола в предикатной позиции.

Очевидно, что синтаксис фрактален, он использует конечное число структур для построения бесконечного числа предложений. Он включает, "вкладывает" структуры одну в другую, проявляя тем самым свою способность к порождению предложений любой длины. Каждое новое образование (дериват), в свою очередь, может служить основой для последующих изменений, в чем проявляется динамический и всеохватывающий характер деривационных процессов. Следовательно, деривационный процесс можно представить в виде своеобразного фрактального итерационного "блуждания" мысли (в духе Тарасенко) по интенциональному (внутриязыковому) пространству в поисках подходящих систем-аттракторов, выводящих ее на искомую преобразованную форму выражения. Процесс порождения предложений, по сути, бесконечен, что было убедительно продемонстрировано генеративистами. Но в основе предложений лежат определенные исчислимые структуры-паттерны. С одной стороны, ограничения на длину (простого) предложения могут накладываться валентностью предикатного глагола. С другой стороны, расширение предложения возможно за счет структур модификации (атрибутивной и/или адвербиальной), сообщающих о практически бесконечных в количественном отношении атрибутах предмета (субстанции) и его связях и отношениях с другими предметами (субстанциями) действительности.

Принцип универсальной взаимосвязи субстанций – мировой ингрессии, отражающей принцип непрерывности, – это точка отсчета и для диалекти-

ки, и для синергетики. При этом подразумевается не статическая взаимосвязь, а динамическая, "энергичная", приводящая к подвижному равновесию в рассматриваемой системе. В языке также все взаимосвязано: "языки предстают в виде многоуровневых сетей взаимозависимостей" [2, 122], в виде "обширной, строго когерентной системы, состоящей из множества систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое" [7, 106]. Но язык – это подвижная развивающаяся система, и в ней, как таковой, представлены "структуры" разных возрастов", разных стадий развития" [12], объединенные, в том числе, и отношениями производности. Одну из причин "разновозрастности" языковых структур, на наш взгляд, следует усматривать в процессах синтаксической деривации, происходящих не только в соответствии с правилами данного языка, но и по "воле" говорящего. По образному выражению Ш. Балли, система языка – "слишком сложная вещь... в каких-то точках системы есть движение вперед, в каких-то – откат назад, и в каждый определенный момент очень трудно рассчитать этот языковой актив и пассив; это похоже на линию фронта, где одни части наступают, другие – остаются в арьергарде, а третьи – несут тяжелые потери, пораженные неприятельскими снарядами" [4,67]. В этом высказывании четко отражен многовекторный характер внутрисистемного движения, обусловленного, среди прочего, и деривационными процессами, но сохраняющего при этом когерентность системы в целом. Применение концептуального аппарата и методологических принципов синергетики к исследованию деривационных процессов в языке представляется плодотворным и многообещающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адливанкин С.Ю., Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст: Межвуз. сб. научн. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. – С. 3-13.
2. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. Пер. с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 304 с.
3. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 67-109.
4. Балли Ш. Язык и жизнь: Пер. с фр. / Вступ. ст. В.Г. Гака. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 232 с. (Серия "Женевская лингвистическая школа".)
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1974. – 406 с.
6. Войцехович В.Э. Фрактальная картина мира как основание теории сложности / В.Э. Войцехович // Известия науки / 14.03.2006. – Режим доступа: <http://www.inauka.ru/blogs/article62789/print.html>
7. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена. Пер. с фр. / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрепиной. – Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 232 с.
8. Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: Коллективная монография / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 65-84.
9. Добронравова И.С. Уроки Пригожина: философские основания и культурный контекст нового понимания мира в постнеклассической науке / И.С. Добронравова // Практична філософія. – К., 2004. – № 2. – С. 3-11.

10. Колоїз Ж.В. Українська оказіональна деривація: Монографія / Ж.В.Колоїз. – Київ: Акцент, 2007. – 310 с.
11. Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика. – Режим доступа: file://C:/Documents%20and%20Settings/%D0%90%D0%
12. Курдюмов С.П., Князева Е.Н. Синергетика: начала нелинейного мышления. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/kurdyumovknyaz.htm>
13. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сборник статей. – М.: Изд-во иностр.лит., 1962. – 456 с. – С.57-70.
14. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А.Ф.Лосев / Под ред. И.А.Василенко. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 296 с. (История лингвофилософской мысли.)
15. Маврикиди Ф.И. Фракталы: постигая взаимосвязанный мир / Ф.И.Маврикиди // Грани науки: Журнал Благотворительного Фонда "Дельфис". – 2000. – № 3. – С.78-84, послесловие к статье С.84-85.
16. Мельник Н.В. Деривация текста в лингвоперсоналогическом освещении / Н.В.Мельник // Вестник Челябинского госуд.ун-та. – 2009. – № 7 (188). – Вып. 41. "Филология. Искусствоведение". – С. 106-112.
17. Меньчиков Г.П. Фрактальность – всеобщее свойство бытия Г.П.Меньчиков // Учен.-зап. Казан. ун-та. – Сер. Гуманит.науки. – 2008. – Т. 150, кн. 4. – С. 80-86.
18. Мурзин Л.Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах / Л.Н.Мурзин // Деривация и история языка: Межвуз.сб.научн.тр. – Пермь: Изд-во Перм.ун-та, 1987. – С.4-10.
19. Мурзин Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика / Л.Н.Мурзин // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: Коллективная монография /Под ред. Н.Д.Голева. – Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 1998. – С. 238-248.
20. Петрова О.Н. Принципы построения синтаксической деривационной парадигмы / О.Н.Петрова // Синтаксис современного русского языка: I Междунар.конгресс исследователей русского языка "Русский язык: исторические судьбы и современность". Сб.тезисов. – М., 2001. – С.218.
21. Пономарев Н.Ф. Статика и динамика в словообразовании / Н.Ф.Пономарев // Деривация и история языка: Межвуз.сб.научн.тр. – Пермь: Изд-во Перм.ун-та, 1987. – С. 58-64.
22. Спиркин А.Г. Философия /А.Г.Спиркин. – М.: Гардарики, 1999. – 816 с.
23. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: "слепые пятна", перипетии и узнавания / Закл.ст.Ю.С.Степанова. – М: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 232 с.
24. Уемов А.И. Системные аспекты философского знания /Уемов А.И. – Одесса: Студия "Негоциант", 2000. – 160 с.
25. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // Синергетика и психология / Под ред. И.Н.Трофимовой. – Вып. 2. "Социальные процессы". – М.: ЯНУС-К, 2000. – С. 11-25.
26. Юрченко В.С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки /Отв.ред.Э.П.Кадькалова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 368 с. (История лингвофилософской мысли.)